

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

С. Н. Гавров

СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу семейных отношений в традиционном российском обществе. Стадия доиндустриального типа социальной организации захватывает не только русское Средневековье, но фактически и период XVIII–XIX вв. Аграрное российское общество экономически и социокультурно воспроизводило традиционный тип семьи и семейных отношений.

Ключевые слова: семья, патриархальность, Средневековье, крестьянство, гендер.

S. N. Gavrov

FAMILY IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN SOCIETY: ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

The article deals with the analysis of family relations in the traditional Russian society. The stage of pre-industrial type of social organization involves not only the Russian Middle Ages, both in fact and the period of XVIII-XIX centuries. Agricultural Russian society economically and socioculturally reproduced the traditional type of family and relationships.

Keywords: family, patriarchal, middle ages, peasants, gender.

Мы знаем, что в дореволюционной, до-октябрьской России, а в определенной мере и в постреволюционном Советском Союзе были сильны патриархальные воззрения. Они вбирали в себя взгляд на мир русской церкви, включая учение о подчиненности женщины мужчине. Так, московский патриарх Сильвестр писал о том, что мужья и отцы должны укреплять покорность жен и детей, власть церкви и царя [1, с. 456]. В старой семье торжествовал и усваивался главный принцип соборного, холистского мира, господствующей холистской идеологии.

Холистическая идеология придает значение «социокультурной тотально-

сти», целостности и пренебрегает человеческим индивидом или же подчиняет его: такая идеология относится к иерархическому обществу, в котором, как в случае с индийской системой каст, порядок является результатом «установления ценности» (а именно ценности целого), а значит части или элементы (в частности, индивиды) оказываются, по определению, подчиненными целому или тому, что воплощает, выражает, представляет целое [17, с. 91–92].

Для понимания особенностей и социокультурных оснований жизни и самого широкого распространения патриархаль-

ной семьи в России отметим, что холистскую идеологию с большей или меньшей степенью рефлексивности, а в абсолютном большинстве случаев без всякой рефлексивности вообще разделяла не только масса необразованного крестьянства, но и значительная часть русской интеллектуальной элиты. Особенности мировоззрения интеллектуальной элиты российского общества, в частности, славянофилов, мы здесь разбирать не будем, отметим лишь ее вполне сочувственное отношение к патриархальному народному быту, патриархальной крестьянской семье.

Уже в середине XIX в. И. Киреевский писал о том, что если мы захотим «...вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим, что каждый член семьи никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгоде совершенно отсек он от самого корня своих побуждений. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина» [8, с. 284]. Человек для семьи и во имя семьи – таков описываемый и защищаемый Киреевским идеальный принцип семейной солидарности, основа вековых российских семейных устоев.

Вот как основоположник российской земской статистики Ф. А. Щербина в вышедшем в свет в 1897 г. «Сводном сборнике по 12 уездам Воронежской губернии» отметил, что в крестьянском хозяйстве определяющим была не степень родства, а степень участия в труде и потреблении. Кто сполна со всеми работал и «хлебал щи из одной миски» со всеми – того не забывали.

А вот тех, кто еще (дети) или уже (старика) не был в состоянии работать, – «нечаянно» могли и пропустить в перечне членов семьи. Земские статистики иногда раздражались: как же это глава многодетного семейства способен вообще не упомянуть о малом ребенке, зато точно знает, сколько у него всех телят и поросят. А вот

если двенадцатилетний ребенок по своей сметке и силам уже мог работать как взрослый или семидесятилетний старик продолжал пахать наравне со всеми, о таких членах семьи всегда помнили точно [12, с. 73].

Как жены были подвластны своим мужьям в семье, так и женщины в общине подчинялись мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально – правом и неформально – общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями.

В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, – именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами... Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех малоразвитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великорусов [7, с. 197].

Иными словами, патриархальная семья и патриархальные семейные отношения воспроизводятся и одновременно воспроизводят авторитарную социокультурную традицию, характеризующую отсутствием у людей гражданских прав, политическим и экономическим угнетением личности.

Известный монархический автор начала прошлого века Н. И. Черняев указывал на то, что при первом историческом появлении великорусского племени уже можно было подметить его отличительные черты: энергию и предприимчивость, дар устройства и организации, способность, сплотившись в одну артель, всецело подчиниться ее большаку. Эти качества – удалая энергия, дух устройства, артели и подчинения – помогли великорусскому племени совершить его великую историческую

миссию – создать из раздробленной Русской земли одно государство, объединив ее рассеянные племена в одну нацию посредством самодержавной царской власти, которая была единственным средством для совершения такого дела [21, с. 112].

Политическое и экономическое положение отца отражается в его патриархальном отношении к остальным членам семьи. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, и поэтому семья превращается в важнейший инструмент его власти [16, с. 76]. Подобного же мнения придерживается и известный французский социолог П. Бурдьё: «Социальный порядок функционирует как огромный символический механизм, утверждающий ту мужскую гегемонию, на которой основан и он сам» [18, с. 41–42].

Что же касается проводимых исследований взглядов самого крестьянства на семью, семейную жизнь, гендерные роли мужчины и женщины, то они глубоко патриархальны. Муж, по исконному взгляду народа, неизменно должен главенствовать в семейном быту. Только при соблюдении этого условия будет в семье все идти по доброму, по-хорошему...

Вот некоторые примеры из русских пословиц и поговорок, собранных А. А. Коринфским: «Не скот в скоте коза, не зверь в зверях еж, не рыба в раках рак, не птица в птицах нетопырь, не муж в мужах – кем жена владеет» – гласит строгий приговор народной мудрости, создававшейся многовековым опытом жизни, «Бабе волю дать – не унять», «Кто бабе над собой волю дает – себя обкрадывает», «В дому женина воля – тяжкая мужнина доля: удавиться легче», «От своевольной бабы за тридевять земель сбежишь», «Хуже бабы тот, кем жена верховодит», «Возьмет баба волю, так и умный мужик в дураках находится вволю», «Дура-баба и умного мужа дурее себя сделает, коли на нем ездить, его кнутом погонять зачнет!», «От своеволь-

ной жены – Господь упаси и друга, и не друга, и лихого татарина!» [9, с. 337].

Для русского крестьянина патриархальная семья представляет собой не только высшую ценность, но и самое естественное положение вещей. При заключении брака, как правило, обязательным было венчание, оформлявшее брак официально («законный брак»). Исключения составляли т. н. браки сводные, чаще всего у старообрядцев-беспоповцев и некоторых сектантов. «Женатые – разженитесь, неженатые – не женитесь» – таково было требование наиболее последовательных беспоповцев. В брак в конце XIX в. вступали мужчины 24–25 лет (после службы в армии), женщины – между 18 и 22 годами [22, с. 302].

Но такое вполне благоприятное и современное положение в сфере семейных отношений сложилось лишь к концу XIX в., т. е. всего немногим более ста лет назад! Да и касалось это лишь возраста вступления в брак, когда в семейные отношения вступали уже достаточно взрослые люди, и не везде, несмотря на утверждения автора энциклопедии «Народы России», положение было столь благостно, хотя развитие капиталистических отношений, процессы урбанизации постепенно размывали представления о патриархальной семье как о социокультурной норме.

Мы знаем, что в конце XIX в. женщина продолжала оставаться «детородной машиной», что изнашивало организм, вело к преждевременной гибели, но, самое главное, практически не оставляло ей шанса стать личностью: получить образование и хорошо оплачиваемую работу. В среднем крестьянки беременели «не через два с лишним года, а до истечения первого года после родов. Если же здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода, то она рожала доношенных детей с интервалом в 12–15 месяцев, рожая за 20–25 лет

до 20 детей, что и фиксировал учет родильных отделений, но не могли отразить метрики» [4, с. 65]. Эти данные также относятся к концу XIX – началу XX в., т. е. ко времени не самого плохого положения российской женщины.

Куда хуже было ее положение в средневековой Московии/России, чему есть немало свидетельств. Так, английский дипломат Дж. Флетчер пишет: «Некоторые оставляют в кабаке 20, 30, 40 рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они, по словам их, в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода» [19, с. 68].

Подобное положение сохранялось в течение столетий; санкционированное государством пьянство, являясь основной доходной статьей для казны, перешагнуло из Московии в Российскую империю, разрушая общество, семью и отдельного человека. Талантливый российский государственный деятель С. Ю. Витте, выступая в январе 1914 г. на заседании Государственного Совета при обсуждении законопроекта о продаже крепких напитков, привел ужасающие статистические данные по пьянству в империи.

Итак, русский народ тратит в год на водку 1 000 000 000 руб., а государство тратит на Министерство народного просвещения только 160 000 000 руб. в год. Если даже взять общую сумму всех расходов, которые все ведомства и земства тратят в год на высшее и низшее народное образование всяких видов, то получится ежегодный расход всего около 3 000 00 000 руб., что составляет менее 1/3 миллиардной суммы, которую российский народ ежегодно пропивает в пользу казны только в виде казенной водки. Не

правда ли, цифры эти представляют умопомрачительные пропорции?! [2, с. 446].

Собранные государством деньги шли на военные нужды, на содержание более многочисленной, чем в западноевропейских странах, армии чиновников, на обустройство царского/императорского двора. Эти вложения временами окупались, российские армия и флот становились все более мощными и современными, но эволюция семейной, частной жизни заметно отставала от совершенствования государства и его институтов. Круг замкнулся. Казенная водка, инвестиции в неэкономическую сферу чиновничества, армии и флота и опять казенная водка, беспмятство, люди, замерзшие в пьяном виде в поле, в канавах, утонувшие в водоемах...

Что же касается средневековой практики деторождения, то здесь яркие зарисовки с тогдешней социальной природы сделал М. В. Ломоносов: «В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество не супружество и, сверх того, вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу» [10, с. 132].

Женились и выходили замуж совсем еще детьми, в 12, 14, многие в 16 лет. Как своеобразную энциклопедию тогдешнего русского быта и нравов мы рассматриваем записки М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении русского народа», которые подкрепляют описания иностранцев-иноверцев, которые по каким-либо причинам могут показаться читателю не-

достоверными. Полагаем, что М. В. Ломоносов останется вне подобных подозрений и его свидетельства будут восприняты более благосклонно.

Приведем еще одно наблюдение Ломоносова, касающееся причин ужасающей детской смертности. «Остается упомянуть о повреждениях младенцев от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом... Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякой младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15-ти детей родили, а в живых ни единого не осталось?» [10, с. 137–138]. А уже в начале XX в. русский демограф С. А. Новосельский констатировал, что русская смертность, в общем, типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран [13, с. 179]; естественно, что во времена М. В. Ломоносова это санитарно-гигиеническое и медицинское положение вообще было куда более удручающим.

Впрочем, не все так мрачно в этих зарисовках с русской натуры, иногда наши предки предстают куда более свободными в своем поведении, в том числе в отношениях между мужчиной и женщиной, чем чопорные и критически настроенные в отношении увиденного гости с Запада и Востока.

Итак, «жители города Владимира – христиане, подданные московского

царя; впрочем, имеют непристойные обычаи: ибо в этой стране лучшее удовольствие – бани, но в них моются мужчины и женщины вместе, без одежды; дозволяют себе весьма неприличные речи – более, чем допускает благопристойность в каком-либо государстве» [6, с. 176].

Признаем, что такая раскованность в отношениях между полами, причем в прямом смысле, в чистом, вымытом виде, куда более привлекательна, чем аналогичная ситуация в средневековой Европе, где вследствие роста населения и «великой распашки» площадь лесов катастрофически уменьшилась, за незаконную порубку европейского крестьянина вполне могли казнить еще в XV–XVI вв., поэтому он ходил немытый, а среди аристократии по причине дороговизны топлива возникла мода на золотые вошеловки.

Возвращаясь из русского Средневековья в достаточно благополучное для Российской империи время начала XX в., мы полагаем, что для лучшего раскрытия заявленной нами к исследованию научной проблематики следует также привести выдержки из весьма нелицеприятных зарисовок с натуры, сделанных в тогдашней России французским послом М. Палеологом, полное издание мемуаров которого недавно впервые вышло на русском языке.

Нет ни одной цивилизованной страны, в которой социальные условия женщины были бы столь плачевны, как в русских селах. Уровень сексуальной морали в деревнях понизился до крайних пределов. Хозяин (глава семьи) присвоил себе неограниченную власть над всеми женщинами, живущими под крышей его дома. Долгие зимние ночи, полумрак, царящий в жилых помещениях из-за нехватки света, теснота в доме и скученность живущих в нем людей способствуют самому постыдному блуду. Самым обычным делом является акт кровосмешения между хозяином и его снохой, когда ее молодой муж уxo-

дит на военную службу или на заработки в город. Этот вид сожительства настолько распространен, что существует специальное имя для него: снохачество. Библейская греховность Лота и его дочерей, Рубена и Бала, Аммона и Тамары добросовестно и непрерывно продолжается в темных углах изб...

Злачные места в городах снабжаются, главным образом, представителями сельского населения. В Петрограде, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде и Одессе более половины всех проституток, а иногда и три четверти их – деревенские девушки, даже дети, которых их родители поставляют владельцам публичных домов. В Петрограде их приблизительно 40 000, из которых по крайней мере 50 % являются крестьянками. Как правило, они идут на панель совсем юными, достигнув половой зрелости. Когда им исполняется двадцать пять лет, они возвращаются в свои деревни, чтобы выйти замуж, или устраиваются на фабрику работницами. Эти женщины еще более или менее легко отделяются, но многие погибают от спиртного, сифилиса и туберкулеза [15, с. 451–452].

Эти многочисленные свидетельства, а начиная с XVIII–XIX вв. и все более возрастающий массив статистических материалов со всей наглядностью и убедительностью показывают, что патриархальная российская семья была авторитарно структурированной хозяйственной ячейкой общества, но отнюдь не сосредоточением христианской морали и нравственных норм [9, с. 335–336]. Хотя на уровне представлений о должном положении вещей в пословицах и поговорках народа присутствовало осознание ценности добропорядочного поведения: «Держи девку в тесноте, а деньги в темноте», «Не убережь дерева в лесу, а девки в людях», «Сиди, девица, за тремя порогами», «В клетках звонко поют птицы, в теремах добрую славу наживают девицы», «Верь хлебу в закрому, а девуш-

ке красной в терему». Но и патриархальная семья, общественные нравы на западе Европы в этом отношении были ничуть не лучше. Подкрепляя это утверждение, мы можем обратить внимание читателя на длинный список грехов-преступлений и денежной платы за них, своеобразный прейскурант, представленный нам по сочинению Э. Даэнсона «О боге и черте».

Итак, Папа Римский Иоанн XXII ввел следующий тариф наказаний для людей, преступивших христианские заповеди и светские законы своего времени. Мы приводим здесь не весь этот весьма обширный список, но выборку, наиболее наглядную для нашей темы.

1. «Если церковник согрешит плотским грехом с монахиней, либо двоюродной сестрой своей, племянницей, либо крестницей, либо, наконец, с какой-либо другой женщиной, – виновный получит отпущение греха своего, уплатив 67 ливров, 12 су».

2. «Если, кроме любострастного греха, он испрашивает отпущение греха противоестественного, либо скотоложного, да уплатит он 219 ливров, 15 су; но, если грех сей совершен им с отроками или животными, но не с женщиной, то пеня уменьшается до 131 ливра, 15 су». «Священник, лишивший девушку невинности, платит 2 ливра, 8 су». «Муж, который жестоко избьет жену, вносит в суммы казначейства 3 ливра, 4 су; если он жену убьет – он заплатит 18 ливров, 15 су; если он сие преступление учинил, чтобы жениться на другой женщине, он кроме того доплатит еще 32 ливра и 9 су».

3. «Сообщники мужа в его преступлении платят за отпущение по 2 ливра с головы». «Тот, кто задушит ребенка своего, платит 17 ливров, 15 су; если мать и отец убили ребенка по обоюдному согрешению, они платят 27 ливров, 1 су за отпущение греха». «Женщина, которая убьет дитя

свое во чреве своем и отец его, который будет способствовать ей в сем преступлении, платят каждый по 17 ливров, 15 су». «Тот, кто способствует выкидышу, не будучи отцом ребенка, платит на 1 ливр меньше. За убийство брата, сестры, матери или отца платит 17 ливров 15 су».

4. «Священники за позволение сожительствовать с родственниками платят 76 ливров, 1 су». «Всякий любострастный грех, совершенный мирянином, отпущен будет по взносе пени в 27 ливров, 1 су; за кровосмешение прибавляется 4 ливра». «Жена прелюбодейка, испрашивающая отпущение, дабы освободиться от всякого преследования и иметь дозволение на продолжение своих незаконных сношений, платит папе» [3, с. 59–61].

Извинившись за пространное цитирование этого поучительного исторического документа, заметим, что подобное детальнейшее изложение «грехов» не может прийти в голову законодателю априорно, доопытно, оно может следовать за жизнью, кодифицируя только то, что распространено в реальной жизни.

Справедливо отмечая, что Москва и особенно Петербург накануне революции были «совершенно западными городами»,

со всем букетом их социальных пороков, не следует забывать, что кроме жителей Москвы, Петербурга и некоторых других крупных городов, по многим параметрам сопоставимых с европейскими, в остальной России народ жил в другой исторической эпохе, обладая соответствующей ей ментальностью. Деревни, которые зимой заносило снегом так, что между ними не было никакого сообщения, с трудом можно назвать обществом в собственном смысле этого слова.

Мы знаем также, что в 90-е гг. XIX в. российская деревня вступила в полосу острой экономической и социокультурной нестабильности. Деревенские люди семьями и поодиночке стали в массовом порядке перебираться на жительство в города. Жизнь в быстро модернизирувавшемся городе с деревенским количеством детей в семьях с гораздо большей долей безотцовщины и сиротства (и это было лишь малой частью разворачивавшегося системного конфликта) не оставалась без глубоких культурно-психологических и социально-политических последствий, имевших основной источник – исторически стремительное столкновение деревенского и городского миров.

Примечания

1. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры: пер. с англ. М.: РУДОМИНО, 2001.
2. Витте С. Ю. Речь, произнесенная 10 января 1914 г. на заседании Государственного Совета при обсуждении законопроекта об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений // Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА, 1998. С. 446.
3. Дээнсон Э. О боге и черте / пер. с фр. А. Шпицберга. М.: Красная новь, 1923. С. 59–61.
4. Дьячков В. Л. О нашем месте под солнцем, или О том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история: Ежегодник, 2000. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 65.
5. Ерофеев В. Царство мата // Московские новости. 23–29 июля 2004 г. № 27 (1245). С. 16.
6. Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / отв. ред. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин; сост. и автор коммент. Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 176.

7. Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Наш умственный строй. М.: Современник, 1989.
8. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
9. Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М.: Моск. рабочий, 1994.
10. Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа // М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. С. 132, 137–138.
11. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс–Культура, 1994. Т. 2. Ч. 1.
12. Никулин А. Столетние обороты путанных сведений // Знание – сила. 2000. № 8 (878).
13. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. М.: Научное слово, 1916.
14. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 105.
15. Палеолог М. Дневник посла / пер. с фр. Ф. Ге, Л. Зайцева, Д. Протопопова. М.: Захаров, 2003.
16. Райх В. Психология масс и фашизм / пер. с нем. Ю. М. Донец. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ, 1997.
17. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / пер. с фр. С. Б. Рындина. СПб.: Владимир Даль, 2002.
18. Сокулер З. А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; отв. ред. Л. В. Гирко. М.: ИНИОН, 2003. С. 41–42.
19. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / отв. ред. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин; сост. и автор коммент. Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 68.
20. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 393.
21. Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / вступ. ст. М. Б. Смолина. М.: Москва, 1998. (Пути русского имперского сознания).
22. Шмелева М. Н. Русские // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 302.